

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ **(о репрессиях против независимых мусульман в России)**

В течение последнего десятилетия проблема взаимоотношений власти и исповедующей ислам части населения Российской Федерации стала чрезвычайно актуальной. Напряженность в этих отношениях связана с тем, что руководство страны, декларируя уважительное отношение ко всем основным конфессиям, одновременно с этим под видом борьбы с экстремизмом и терроризмом подвергает преследованиям представителей целого ряда течений в исламе, что, в свою очередь, способствует распространению исламофобии в обществе. Методы, применяемые при этом властями, приводят к еще большему обострению проблемы, т.к. сопровождаются грубейшими нарушениями прав человека.

I. Предпосылки

События конца 90-х и начала 2000-х годов как во всем мире, так и в России способствовали распространению терминологии, связывающей экстремизм и его крайнее, наиболее опасное проявление – терроризм, – с конфессиональным признаком. Тот факт, что среди террористических и экстремистских организаций, а также тех, которые внесены в соответствующие списки без достаточных оснований, много мусульманских, послужил основанием для появления термина «исламский экстремизм». И хотя позднее власти многих государств заявили (по крайней мере, на словах и в контексте риторики, прямо связывающей террор с исламом как вероисповеданием в целом) об отказе от его использования, он, тем не менее, достаточно крепко внедрился в сознание людей вообще и представителей спецслужб и правоохранительных органов в частности.

В России этому заметно способствовали своеобразные представления властей о государственных внутри– и внешнеполитических интересах. Угроза «исламского терроризма» оказалась чрезвычайно удобной для того, чтобы борьбой с ней, а еще больше – имитацией такой борьбы оправдывать преступные действия сотрудников федеральных сил на Северном Кавказе, сопровождавшие боевые действия во время второй чеченской кампании, а позднее – и фабрикации уголовных дел об «исламском экстремизме» на всей остальной территории РФ. Чрезвычайно важную роль сыграли в этом геополитические соображения, что становится совершенно очевидным из анализа соглашений, заключенных в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹ и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)², и практики их применения.

Еще до вступления России в «Шанхайскую шестерку» в ряде регионов – в первую очередь, на Северном Кавказе, – возникали острые ситуации, связанные с выходящими за рамки действующего законодательства и далеко не только мирными проявлениями радикальных течений в исламе, что вызывало жесткую, иногда переходящую в неадекватную реакцию властей РФ. Самый известный пример такого рода – это последствия вторжения радикальных исламистов из Чечни в Дагестан летом 1999 г., послужившего для федерального центра «оправданием» начала второй войны в Чечне.

Однако после ратификации Россией в январе 2003 г. Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³ ситуация изменилась качественно: на всей территории страны, и, в первую очередь, в регионах с большой долей мусульманского населения, начались мероприятия (весьма часто – имитационного свойства) по борьбе с явлениями, упомянутыми в ее названии. Геополитический фактор проявляется здесь в том, что

¹ <http://www.sectesco.org/> Участниками ШОС являются Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан

² <http://www.dkb.gov.ru/start/index.htm>. Участниками ОДКБ являются Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

³ <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=82>

каждое из государств – участников Конвенции преследует свои интересы по подавлению тех или иных проявлений общественно-политической и/или религиозной активности своего населения, причем, далеко не всегда имеющих именно радикальный характер, а все остальные страны, без всяких сомнений, квалифицируют их как терроризм, сепаратизм и экстремизм. В Концепции сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом⁴ в качестве одного из основных принципов прямо указано *«обоюдное признание деяния терроризма, сепаратизма и экстремизма независимо от того, включает ли законодательство государств-членов ШОС соответствующее деяние в ту же категорию преступлений или описывает ли оно его с помощью таких же терминов»*.

II. Парад запретов

• **Запрет организаций**

Указанный выше принцип «обоюдного признания» привел к тому, что преследование в странах ШОС тех или иных исламских течений и организаций автоматически переносится на российскую почву, и наоборот. Так, например, есть все основания полагать, что именно по этой причине в первый же российский список террористических организаций, сформированный ФСБ и легитимизированный решением ВС РФ от 14 февраля 2003 г., была включена партия «Хизб ут-Тахрир», репрессии против членов которой в Узбекистане начались еще в 90-х годах прошлого века. Возможно, серьезный и глубокий анализ идеологии этой исламской политической партии дал бы достаточно оснований для признания ее экстремистской, однако же отсутствие доказанных фактов причастности сторонников «Хизб ут-Тахрир» к терактам и вообще – к доктринальному насилию не позволяет считать правомерной квалификацию ее в качестве террористической.

Следующей стала организация «Нурджулар», к которой спецслужбы РФ причисляют последователей турецкого богослова Саида Нурси, пользующегося большим авторитетом в мусульманском мире. И хотя ряд экспертов выражает серьезные сомнения в ее существовании⁵, а труды самого Саида Нурси были положительно оценены многими российскими и зарубежными религиоведами⁶, решением ВС РФ от 10 апреля 2008 г. организация «Нурджулар» была признана экстремистской, а ее деятельность на территории России запрещена⁷. Следует отметить, что после этого отношение к последователям Саида Нурси в Казахстане и Кыргызстане, которое ранее оставалось относительно терпимым, довольно резко изменилось в худшую сторону, что видно из публикаций в СМИ. Весной 2009г. «Нурджулар» была внесена уже и в список организаций, запрещенных в рамках ОДКБ⁸.

Интересен в этом смысле факт наложения запрета на целое религиозное течение – «салафийю»⁹, – правда не в России (пока?), а в Таджикистане¹⁰. Эксперты признают наличие

⁴ Раздел II, п.3, п.п.5, (http://www.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067)

⁵ <http://islam.ru/rus/2008-04-11/#20652>

⁶ Из заключений на книгу «Плоды веры» Совета муфтиев России, ЦДУМ России, религиоведов из МГУ и Института Европы РАН следует, что книги Саида Нурси могут стать прививкой против идеологии террористов. В ходе судебного разбирательства по делу о признании трудов С.Нурси экстремистскими сторона ответчика представила акты экспертизы и позитивные отзывы об этих книгах множества как религиозных, так и светских деятелей и организаций, среди которых были муфтии Равиль Гайнутдин и Талгат Таджуддин, духовные управления Дагестана и Северного Кавказа, авторитетные международные организации, эксперты Ватикана, Исламский совет Европы, египетский университет Аль-Азхар. К делу были приобщены мнение уполномоченного по правам человека в РФ Владимира Лукина и заключение МВД Турецкой Республики о том, что труды Саида Нурси в этой стране не считаются экстремистскими (<http://www.ogoniok.com/5002/16/>).

⁷ <http://www.rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html>

⁸ http://nvo.ng.ru/wars/2009-03-20/1_bandits.html

⁹ В постсоветской Центральной Азии, а затем и в России (со времен похода Ш.Басаева на Дагестан в 1999 г.) всех подряд салафитов стали называть «ваххабитами». По мнению одного из крупнейших российских исламоведов А.Малашенко, ваххабизм – это, всего лишь, одно из частных проявлений салафитской традиции (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/56527.htm>).

¹⁰ <http://www.agentura.ru/dossier/tagik/?id=1231490640>

среди салафитов не только радикального крыла, но и умеренных¹¹; тем не менее, спецслужбы расценивают их всех как угрозу общественной и государственной безопасности – независимо от того, относятся ли такие верующие к каким-либо радикальным группировкам, или просто совершают религиозные обряды в соответствии со своими, пусть и вполне фундаменталистскими, убеждениями. Показательно при этом, что внесение весной 2009 г. в список террористических и экстремистских организаций в рамках ОДКБ организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба»¹², ранее называвшейся «Салафистская группа проповеди и джихада», было воспринято СМИ как запрет именно салафии во всех странах-участницах ОДКБ. И не станет неожиданностью, если эта якобы журналистская неточность в обозримом будущем реализуется на практике – как следствие упомянутого выше принципа взаимного признания терроризмом и экстремизмом всего, что расценивают в таком качестве государства-участники ШОС, почти все из которых (кроме Китая) одновременно являются и членами ОДКБ.

7 мая 2009 г. Верховный Суд РФ вынес решение о признании экстремистской организации мусульманских миссионеров «Таблиги джамаат»¹³, которую радикальные исламисты критикуют за аполитичность¹⁴. Интересно отметить, что одновременно с принятием решения о запрете «Таблиги джамаат» в прессе появились сообщения о внесении ее уже и в соответствующий список ОДКБ¹⁵, расширение которого согласовывалось государствами-участниками еще с марта того же года. Если же учесть, что в Узбекистане члены «Таблиги джамаат» начали подвергаться преследованиям существенно раньше¹⁶, а при этом, всего несколько лет назад деятельность «таблиговцев» в российском Поволжье поощрялась представителями официального муфтията¹⁷, то есть основания полагать, что запрет и этой организации в России обусловлен геополитическими мотивами. И, наконец, как и в случае с «Нурджулар», вскоре после внесения ее в список ОДКБ появилось множество анти-таблиговских публикаций в кыргызстанской прессе.

Необходимо также отметить, что полные тексты решений о запрете организаций в связи с признанием их деятельности экстремистской или террористической официально не публикуются и доступ к ним крайне затруднен, что резко ограничивает возможности обжалования их в установленном законом порядке. Более того, один из первых осужденных по обвинению в причастности к «Хизб ут-Тахрир» был привлечен к уголовной ответственности после того, как направил в органы власти ходатайство о предоставлении ему соответствующего текста решения Верховного Суда РФ для последующего обжалования.

• Запрет литературы

Необходимость воспрепятствования распространению экстремистских материалов не вызывает сомнений. Она особенно актуальна в России последних десятилетий в связи с резким ростом уровня всех форм ксенофобии, в т.ч., религиозной нетерпимости. Отсутствие четких и ясных критериев того, что есть экстремистская литература, неоднократно приводило к тому, что сотрудники правоохранительных органов, проводившие обыски у подозреваемых, разрешали этот вопрос по своему усмотрению. Не будучи, как правило, специалистами в какой-либо области, кроме исполнения приказов вышестоящего начальства, они оценивали изъятые материалы «на глазок», из чего иногда делались совершенно абсурдные

¹¹ Например, А.Малашенко: «Все же уместнее различать две "фракции" салафитов- умеренную и радикальную» (<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/56529.htm#2up>); М.Рошин: «... бывают умеренные салафиты, которые не настаивают на вооруженном пути, но также есть и другие, которые настаивают» (http://rus.azattyq.org/content/salafis_salafit/1496753.html).

¹² http://nvo.ng.ru/wars/2009-03-20/1_bandits.html

¹³ <http://www.rian.ru/society/20090731/179329940.html>

¹⁴ <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/volume/36601.htm>, раздел «Проповедническая и организационная деятельность представителей различных исламских миссионерских организаций».

¹⁵ <http://www.rg.ru/2008/05/07/vs-reshenie-dok.html>

¹⁶ Имеются достоверные данные об уголовном преследовании членов «Таблиги джамаат» в Узбекистане, по крайней мере, еще в 2005 г.

¹⁷ <http://ntann.com/news/item/?ID=4481>

умозаключения¹⁸. Очевидно также, что наличие доступной рядовому гражданину информации о том, распространение какой именно литературы может быть поставлено ему в вину, было не менее необходимым.

Впервые Федеральный список экстремистских материалов был официально опубликован 14 июля 2007 г. и с тех пор регулярно пополняется¹⁹, однако методы его формирования заслуженно вызывают резкую критику экспертов. Так, по мнению Галины Кожевниковой²⁰, «...в системе, где имитация стала нормой жизни, список - всего лишь органичная часть этой нормы»²¹.

Вкратце достаточно точное описание методов, применяемых исполнительной властью при пополнении списка экстремистских материалов, выглядит примерно следующим образом²²: «...сложившаяся практика <...> проста до слез. Арестовываем подозреваемого в чем-то "экстремистском" и приходим к нему с обыском. Изымаем все, что кажется подозрительным (например, книжку "Мятеж", особенно если на обложке не написано, что она Фурманова). Потом то, что явно не Фурманов, отсылаем на экспертизу (платную, между прочим) и в суд - гражданский. А обвиняемого - тоже в суд, но уже уголовный. Если гражданский суд закончится раньше, то в уголовном будем говорить: вот, смотрите, у него же хранились экстремистские материалы; если наоборот - будем ссылаться на то, что человек, у которого все изъято, - осужденный уже экстремист. Гармония! Только однажды суд попробовал взбунтоваться и отказал прокурору в гражданском иске, посоветовав разобрать все в уже вовсю идущем уголовном процессе, но был тут же поставлен на место начальством».

Федеральный список пополняется после вступления в законную силу соответствующих судебных решений, причем, с заметной задержкой. Рассмотрение же заявлений о признании материалов экстремистскими относится к компетенции судов уровня районных, которых в РФ – почти 2,5 тысячи²³. В связи с этим, а также учитывая описанный выше механизм вынесения решений о признании материалов экстремистскими, только в редких случаях заинтересованным сторонам – авторам, переводчикам, издателям и др., – удастся своевременно узнать даже о состоявшемся судебном решении, не говоря уже о практической невозможности принять участие в заседании суда первой инстанции и оспорить позицию стороны, ходатайствующей о запрете. Когда же это, все-таки, удастся, стороне защиты создаются дополнительные препятствия²⁴. Кроме того, подобный механизм создает определенные трудности в реализации права на кассационное обжалование судебных решений, т.к. возникает необходимость добиваться восстановления пропущенного срока обжалования и доказывать, что принятое судом решение затрагивает права и интересы заявителя.

И, наконец, существенным недостатком сформированного таким образом списка является отсутствие во многих его позициях сведений, позволяющих точно идентифицировать, что именно запрещено: далеко не везде указаны выходные данные, даты публикаций и даже авторы запрещенных материалов.

Что же касается правоприменительной практики, то, несмотря на наличие даже столь несовершенного списка, силовые структуры, как правило, продолжают изымать при обысках у подозреваемых мусульман всю религиозную литературу, особенно – изданную на арабском

¹⁸ Так, например, в 2005 г. автор настоящего обзора присутствовала в судебном заседании по рассмотрению дела о причастности ряда лиц к организации «Хизб ут-Тахрир», где в подтверждение их террористических наклонностей сторона обвинения ссылалась на изъятую у них книгу А.Литвиненко и Ю.Фельштинского «ФСБ взрывает Россию».

¹⁹ <http://xeno.sova-center.ru/B8E8556/E230E03>

²⁰ Заместитель директора информационно-аналитического Центра «Сова», наиболее детально и систематически изучающего проблемы экстремизма и ксенофобии в России.

²¹ Г.Кожевникова, «Ножик в тумане», <http://grani.ru/Politics/Russia/m.155262.html>

²² Г.Кожевникова, «Эх, эх, без креста!», <http://grani.ru/Politics/Russia/m.155836.html>

²³ По данным Судебного департамента при ВС РФ, на декабрь 2008 г., в РФ функционировал 2431 суд районного звена: <http://www.cdep.ru/index.php?id=49&item=148>

²⁴ Так, например, процесс по делу о запрете переводов на русский язык трудов Саида Нурси проходил в закрытом режиме, что исключило возможность проведения его независимого мониторинга.

языке, в т.ч., Коран²⁵, и впоследствии далеко не всегда возвращают материалы, не являющиеся запрещенными.

III. Репрессивная кампания

Запрет организаций неизбежно влечет за собой преследование людей, подозреваемых в принадлежности к ним. Под подозрение попадают верующие, которые хранят и изучают (даже если не распространяют!) соответствующую литературу, и/или чей способ совершения исламских обрядов ассоциируется у «религиоведов в штатском» с запрещенными исламскими течениями. Поскольку уголовное преследование осуществляется силами правоохранительных органов и спецслужб, действующих по формализованным инструкциям и разрядам, то в следственных документах в качестве подтверждающих вину обстоятельств то и дело фигурирует квалификация религиозных взглядов обвиняемого как относящихся к так называемому «нетрадиционному исламу», а в судебных заседаниях по рассмотрению уголовных дел «о терроризме» нередко исследуются чисто теологические вопросы – соответствуют ли взгляды подсудимого исламским канонам (как правило – в трактовке все тех же «религиоведов в штатском»). Маловразумительный термин «нетрадиционный ислам», возникший в первой половине 2000-х годов, оказался чрезвычайно удобен для обозначения всего, что не устраивает спецслужбы в религиозных и религиозно-политических взглядах мусульман. Это, по меньшей мере, странное определение получило распространение не только в публикациях СМИ, но и в процессуальных документах по уголовным делам – оно уже сплошь и рядом фигурирует в обвинительных заключениях и приговорах судов.

В итоге, вот уже шесть лет в России под видом «борьбы с терроризмом» развивается репрессивная кампания против лиц, религиозные воззрения которых оказались под запретом, но при этом не совершивших и не планировавших каких-либо насильственных действий и не оказывавших в каком-либо ином виде поддержки или содействия терроризму. Не говоря уже о Северном Кавказе с его явно выраженной спецификой, по данным нашего мониторинга²⁶ на сегодняшний день в Центральной России, Поволжье, на Южном Урале и в Западной Сибири по десяткам уголовных дел (более 50) осуждено более 140 человек, подавляющее большинство из которых (около 75%) – к реальному лишению свободы, в т.ч., на сроки более 10 лет.

1. Цель

Вопрос о том, какую цель ставят перед собой власти, подвергая уголовному преследованию граждан, все преступление которых сводится к нежеланию отказываться от своих религиозных или религиозно-политических воззрений, был и остается наиболее интересным. Найти рациональный ответ не удастся, т.к. априорно было понятно, что идеологические репрессии, какой бы неприемлемой с точки зрения демократического мировосприятия ни была репрессируемая идеология, не могут предотвратить ее распространения, и даже наоборот – способствуют ему. Что, собственно, и подтверждается в процессе независимого мониторинга этой кампании.

Все остальные варианты объяснений, так или иначе, сводятся к имитации властями антитеррористических и антиэкстремистских мероприятий для увеличения размеров финансирования спецслужб, и одновременно – для мистификации международного сообщества в целях оправдания действий, направленных на пресечение не санкционированной «сверху» и подлинно независимой, в т.ч., религиозной, активности в стране.

2. Средства

а) «Черный» пиар

Важнейшая роль в рассматриваемой кампании отведена масс-медиа. С помощью СМИ власти добиваются (и надо отметить – весьма успешно) того, что значительная часть населения страны воспринимает события – аресты лиц, «назначенных» потенциальными террористами, и

²⁵ <http://www.hro.org/node/1424>

²⁶ Эти данные, разумеется, не исчерпывающие, т.к. в них входят только те дела, по которым имеется достаточная информация.

последующие судебные процессы над ними, – как активную деятельность сил безопасности, направленную на предотвращение серьезной угрозы. Выявление тенденциозности, а то и прямой лжи в публикациях прессы, телепрограммах и т.д., редко оказывается доступным среднему потребителю такой информации, т.к. для этого, как правило, требуется существенно больший объем знаний о предмете, чем тот, которым он обладает.

б) Фабрикация обвинений.

Элементы фабрикации присутствуют в подавляющем большинстве уголовных дел рассматриваемой категории. Подбросы взрывчатых веществ, боеприпасов и запрещенной литературы при проведении обысков у подозреваемых используются для «обоснования» обвинений в подготовке преступлений террористического характера, и только в единичных случаях удается впоследствии исключить их из числа вещественных доказательств. Но даже в тех делах, где подследственным инкриминируется только участие в деятельности запрещенной организации (чаще всего, это дела о причастности к «Хизб ут-Тахрир»), и даже если обвиняемые его не отрицают, следствие все равно «подкрепляет» доказательную базу показаниями свидетелей, полученными под давлением. Характерно использование в этих целях мигрантов из Центральной Азии, от которых под угрозой высылки в страну гражданской принадлежности добиваются показаний, подтверждающих версию следствия. В судах их часто допрашивают в качестве так называемых «секретных свидетелей», которые дают показания под присвоенными им стороной обвинения псевдонимами и в условиях, исключающих возможность их аудио– и визуальной идентификации.

с) Пытки

Имеется множество заявлений о применении к подследственным, осужденным и даже свидетелям по рассматриваемым уголовным делам пыток и других, запрещенных Конвенцией ООН, методов жестокого обращения²⁷. В разные периоды времени и из разных регионов поступали сообщения о том, что сотрудники силовых структур, пытая людей, заявляли, что им «сверху дали «зеленый свет» и поэтому они могут делать с задержанными все, что угодно. На все, без исключения, запросы правозащитных организаций в органы прокуратуры с требованиями провести проверки по описанным в обращениях сведениям о пытках были получены ответы о том, что якобы «факты не подтвердились». Однако в связи с тем, что в целом ряде случаев в заявлениях фигурантов уголовных дел, сговор между которыми был исключен, содержалась хорошо согласуемая между собой информация, приходится признать, что факты безнаказанности сотрудников правоохранительных органов, использующих запрещенные методы дознания, получили подтверждение.

д) Манипуляции составами судебных коллегий

Манипуляция судами и судьями для достижения желательного властям исхода судебного процесса, и в первую очередь – в делах с политическим контекстом, – проблема общероссийская, и относится она отнюдь не только к кампании фабрикации уголовных дел об исламском экстремизме. Поэтому вполне естественно, что при рассмотрении уголовных дел, о которых идет речь в данном обзоре, проявляются все ее характерные черты: поручение рассмотрения таких дел судьям, ранее зарекомендовавшим себя как надежные исполнители указаний исполнительной власти, грубые нарушения принципа состязательности, допускаемые такими судьями в интересах стороны обвинения, тенденциозная оценка доказательств, в т.ч., признание допустимыми доказательств, полученных с использованием запрещенных методов расследования, оказание давления на адвокатов и т.д. До недавнего времени использовались также манипуляции составами коллегий присяжных заседателей, однако после исключения дел о терроризме из юрисдикции суда присяжных «необходимость» в этом отпала.

е) Экспертизы, «запрограммированные» на заданный результат

Использование экспертных заключений играет одну из ключевых ролей в делах об «исламском экстремизме», что вполне понятно, поскольку речь идет об оценке специалистами

²⁷ Подробнее об этом см.: <http://hro1.org/node/2971>

содержания изъятых в процессе следствия текстов, аудио и видеозаписей и т.д. В связи с этим, данному вопросу уместно уделить особое внимание.

Правом назначения экспертизы и выбора экспертов законодательство РФ наделяет следователя и суд²⁸. Защита вправе заявлять ходатайства о поручении производства экспертизы тем или иным специалистам, об отводе экспертов, о постановке перед экспертами дополнительных вопросов и т.д., однако такие ходатайства крайне редко удовлетворяются, что на практике приводит к нарушению принципа состязательности сторон.

Далее будет предпринята попытка вкратце проанализировать качество ряда проведенных по поручению органов следствия и суда экспертиз по трем наиболее очевидным критериям:

- объективность и независимость;
- корректность (правомерность) поставленных перед экспертами вопросов;
- научная обоснованность выводов.

Степень объективности и независимости экспертов при исследованиях, выполняемых по поручению следственных органов, несколько варьируется, оставаясь при этом весьма невысокой. Подавляющее большинство экспертов исходили либо из ранее сложившихся у них представлений о вредоносности идей, сформулированных в представленных для изучения источниках²⁹, либо из ясного понимания того, что сторона обвинения ожидает от них вполне определенного результата, и это с очевидностью усматривалось из текстов их исследований³⁰.

Обнаруживались и любопытные феномены, косвенно подтверждающие отсутствие у эксперта должной свободы в оценке исследуемых материалов. Так, религиовед NN из Татарстана в начале 2007 г. давал в судебном заседании по одному из уголовных дел рассматриваемой категории³¹ весьма грамотные и объективные пояснения, подтверждающие достаточно высокий уровень его квалификации. Вместе с тем, уже через несколько месяцев в своем заключении по литературе, изъятой в рамках другого аналогичного дела, он использовал обороты и выражения, свойственные скорее менталитету и языку «бойца идеологического фронта»³², чем лексикону научного работника – например: *«Издателем книги является издательский дом «Бадр», известный тем, что осуществлял издание ваххабитской и фундаменталистской литературы в России, не без поддержки проваххабитских зарубежных организаций»*³³. Подобную метаморфозу трудно объяснить чем-либо иным, кроме поставленной перед экспертом задачи составить заключение с заданным результатом, устраивающим следственные органы.

Корректность (правомерность) поставленных перед экспертами вопросов нередко оказывается ниже уровня критики. Наиболее характерные недостатки – это постановка вопросов, содержащих в своих формулировках прогнозируемый ответ, и/или вообще не относящихся к сфере компетенции данных специалистов.

В качестве примеров первого из названных выше вариантов некорректных вопросов можно привести следующие:

- *В чем выражается опасность для государства и общества изъятой литературы организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами»? (вопрос психологу); вариант: В чем*

²⁸ Статьи 195 и 283 УПК РФ.

²⁹ Так, в 2005 г. во время допроса в судебном заседании доктор исторических наук, профессор-религиовед на вопрос адвоката о том, имелось ли у нее перед проведением экспертизы какое-либо определенное мнение об идеологии партии «Хизб-ут-Тахрир», ответила, что ее негативное отношение к этой организации сложилось задолго до начала изучения представленных на экспертизу текстов.

³⁰ В данном контексте показателен пример политологической экспертизы, выполненной в 2004 г. экспертом из Уральского государственного университета. В тексте исследования автор дает вполне адекватные оценки каждому из изученных источников, однако далее путем весьма произвольных умозаключений «выстраивает» выводы, отнюдь не следующие логически из его же предыдущих оценок, зато подтверждающие версию обвинения.

³¹ Дело № 300082, протокол судебного заседания 06.03.2007 г.

³² Так во времена СССР называли работников идеологической сферы.

³³ Заключение эксперта (№ 3) от 04.06.2007 г. по уголовному делу № 606008, стр. 8.

выражает опасность для России, российской государственности и общества в целом изъятая литература «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» (вопрос религиоведу)³⁴

- Можно ли расценить содержание представленной на экспертизу печатной продукции как призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и территориальной целостности РФ? (вопрос вынесен на социально-психологическую экспертизу)³⁵;

Второй дефект достаточно наглядно иллюстрируют вопросы:

- Какие взгляды, идеи и какую деятельность выражает данная литература? - вынесен на рассмотрение религиоведа и психолога³⁶;
- Относится ли литература, листовки и другие записи, изъятые у обвиняемых, к деятельности организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами»? Какие взгляды, идеи и какую деятельность выражает данная литература? Относится ли данная литература к экстремистской и по каким признакам? - вынесены на рассмотрение психолога³⁷;
- Идентична ли между собой по содержанию литература, изъятая у подсудимых и имеющая одинаковые названия: книги и брошюры [далее – перечень наименований]³⁸ – вынесен на политологическую экспертизу.

Кроме того, как отмечено выше, проблемы чисто теологического свойства стали предметом уголовного судопроизводства, что также нашло свое отражение в выносящихся на экспертизу вопросах – в т.ч., и в таком, формулировка которого вообще не позволяет отнести его к области права:

- Содержатся ли в представленных на исследование документах какие-либо сведения, противоречащие вероучениям Исламских религиозных организаций, не запрещенных на территории Российской Федерации, если да, то в каких и в чем состоят противоречия?³⁹ [подчеркнуто мной – Е.Р].

И, наконец, в одном из недавних показательных уголовных дел эксперту-религиоведу было предложено ответить, среди прочего, на вопросы, содержащие в качестве критерия вариации упомянутого выше сомнительного термина «традиционный ислам»:

- <...> противоречат ли представленные на исследование материалы традиционному толкованию в религии Исламе? <...> соответствует ли традиционному толкованию в религии Исламе трактовка понятия «халифат», используемого в идеологической концепции организации «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»)?⁴⁰ [подчеркнуто мной – Е.Р]

Научная обоснованность выводов комплекса из 14 психологических экспертиз⁴¹ – наиболее позднего и наиболее «научнообразного» среди имеющихся в нашем распоряжении, – была предметом исследования, проведенного независимыми специалистами⁴². Отталкиваясь от принципов научной методологии⁴³, они проанализировали представленные экспертизы по критериям, которым должно соответствовать экспертное исследование, чтобы сделанные в нем выводы могли быть признаны обоснованными:

- i. определение объекта экспертизы;
- ii. определение класса объектов сравнения;

³⁴ Уголовное дело № 4909202, г. Уфа, 2005 г.

³⁵ Уголовное дело № 329989, Москва, 2006 г.

³⁶ Уголовное дело № 4909202, г. Уфа, 2005 г.

³⁷ Уголовное дело № 4909202, г. Уфа, 2005 г.

³⁸ Уголовное дело № 606008, Казань, 2009 г.

³⁹ Уголовное дело № 1998, Самара, 2005 г.

⁴⁰ Уголовное дело № 606008, Казань, 2007 г.

⁴¹ Уголовное дело № 606008, Казань, 2007 г.

⁴² Заключение специалистов бюро независимой экспертизы «Версия», 2009 г.

⁴³ Дж. Гудвин. Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. - б.: Питер, 2004.; Корнилова Т.В. Введение в психологический эксперимент. Учебник. - 2-е изд. - М.: Изд-во МГУ; Изд-во ЧеРо, 2001.

- iii. определение критериев оценки объекта экспертизы ;
- iv. выбор и обоснование метода исследования;
- v. проведение экспертного исследования и описание хода его проведения;
- vi. описание свойств объекта экспертизы, обнаруженных в ходе проведения экспертного исследования;
- vii. корректная формулировка вывода;
- viii. всестороннее описание хода проведения экспертного исследования в заключении эксперта.

Результат анализа показал, что ни одна из 14 исследованных экспертиз не соответствует ни одному из указанных критериев, в связи с чем признать научно обоснованными какие-либо выводы, сделанные экспертом, категорически невозможно.

Качество политологической экспертизы, проведенной по назначению суда в процессе рассмотрения этого же уголовного дела, также вызывает серьезные нарекания. Из двух вопросов, вынесенных на ее рассмотрение, второй вообще не содержит в себе предмета политологии и относится скорее к лингвистике (см. выше вопрос об идентичности литературы, изъятый у подсудимых).

Что же касается первого вопроса:

- *содержатся ли в представленных на исследование материалах положения о насильственном захвате власти в Российской Федерации, насильственном изменении ее конституционного строя или нарушении ее территориальной целостности? –*

то к положительному ответу на него эксперты пришли путем следующих рассуждений:

«Установление политического строя, называемого идеологами «Хизб-ут-Тахрир» «исламским», предполагает также введение теократического строя и установление фактической дискриминации граждан по религиозному принципу (и даже преследование по отношению к таким категориям граждан, как «вероотступники», т.е. прекратившие исповедание религии ислам, и атеисты»). Как было показано выше, подобные радикальные преобразования невозможны без применения насилия».

Между тем, «выше» – в предшествующем тексте исследования, – экспертами было достаточно ясно показано, что данная организация действительно допускает насилие и даже настаивает на его применении при уже существующем исламском государстве в целях последующего его распространения, но не ранее. При этом, исследование не содержит какого-либо анализа вопроса, прямо относящегося к политологии: реально ли возникновения подобного государственного устройства в сложившейся в современном мире геополитической ситуации, и тем более – на территории РФ, и тем более – силами 12 подсудимых, не располагающих ни оружием, ни массовой поддержкой. Что, впрочем, вполне объяснимо, т.к. в противном случае экспертам пришлось бы согласиться с тем, что в данном случае речь идет о некоем мусульманском варианте утопической теории синьора Томмазо Кампанеллы⁴⁴.

В данном разделе необходимо затронуть также вопрос о возможности и доступности независимых экспертных исследований, которые могли бы конкурировать в судах с рассмотренными выше экспертизами. Законодательство позволяет стороне защиты привлекать к участию в деле специалистов и ходатайствовать перед судом о приобщении к материалам

⁴⁴ Возможно, однако, что авторы экспертизы (как, впрочем, и структуры, поручившие им ее проведение) сочли уместным «перестраховаться», обнаружив в литературе запрещенной организации следующую сентенцию (стр. 12 экспертизы): *«Исламское государство, по мысли автора, должно возникнуть в одной или нескольких странах, затем вобрать в себя соседние страны - арабские и неарабские, а затем нести Ислам в остальные части света. Эта поэтапность напоминает ленинскую идею о «слабом звене» в мировой цепи империализма, согласно которой социалистическая революция должна победить в одной или нескольких странах, а затем во всем мире».* Не исключено, что именно эта параллель и является одним из мощнейших двигателей репрессивного катка, уже 6 лет выглаживающего разнообразный рельеф взглядов и верований российских мусульман. При этом занятно, что у власти в России весь этот период находятся силы, открыто ностальгирующие по СССР, стремившемся к реализации упомянутой выше ленинской идеи.

дела их заключений. Однако, во-первых, такие ходатайства удовлетворяются крайне редко⁴⁵. Во-вторых же, экспертное сообщество, за редкими исключениями, предпочитает не вмешиваться в дела, связанные с обвинениями в терроризме – особенно, после вынесения в 2006 г. предостережения «Мемориалу» о недопустимости нарушения закона «О противодействии экстремистской деятельности» за публикацию на своем сайте заключения муфтия Н.Аширова, который не усмотрел экстремистского содержания в четырех брошюрах запрещенной организации.

3. Особый аспект: положение беженцев-мусульман

Еще одно проявление описанной выше политики в отношении мусульман, взгляды которых (реальные или приписываемые им) российские власти считают нежелательными, выражается в стремлении любыми средствами исполнять запросы о выдаче лиц, преследуемых в странах «Шанхайской шестерки» за религиозные убеждения⁴⁶. Заключенные в рамках ШОС соглашения создали для таких экстрадиций квази-правовую базу⁴⁷. В частности, входящие в эту коалицию государства обязались не предоставлять убежища лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности, и выдавать их при наличии соответствующих обращений со стороны другого государства ШОС⁴⁸, а также содействовать в осуществлении международного розыска тех, кто только предположительно совершил деяния, указанные в Шанхайской Конвенции⁴⁹;

В результате подобного сотрудничества лица, бежавшие от религиозных репрессий из государств Центральной Азии, не только не получают в России статуса беженца – они стали буквально предметом охоты для спецслужб. Последние применяют любые доступные, в т.ч., незаконные методы для достижения установленной соглашениями ШОС цели – выдачи таких лиц в страны происхождения для уголовного преследования.

Для этого используются:

- фальсификация обвинений уже после задержания разыскиваемого лица в России для приведения их в соответствие с нормами российского уголовного права;
- аннулирование принятого иммигрантами российского гражданства для устранения препятствий в их выдаче;
- противоправная замена процедуры экстрадиции, сопряженной с проведением хоть и формальной, но достаточно длительной экстрадиционной проверки существенно более быстрым и простым механизмом административного выдворения.
- похищение лиц на территории России, в том числе, силами сотрудников иностранных спецслужб, и последующий незаконный вывоз их на родину при непосредственном участии спецслужб РФ.

Дважды – в октябре 2006 г. и в декабре 2007 г., – Россия нарушила предписания Европейского Суда о приостановке высылки заявителей в Узбекистан⁵⁰.

⁴⁵ Так, например, суд отказал в приобщении к материалам дела упомянутого заключения специалистов из Бюро независимой экспертизы «Версия», в котором подвергнуты критике психологические экспертизы, проведенные в рамках предварительного следствия.

⁴⁶ См. <http://www.hro.org/node/2933> и <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6091>

⁴⁷ Квази-правовую – т.к. заложенные в ней принципы и механизмы во многом противоречат международным нормам в области прав человека.

⁴⁸ Декларация глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества (раздел III), г.Астана, 05.07.2005г. <http://www.sectesco.org/RU/show.asp?id=98> и Концепция сотрудничества государств - членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (раздел I), г.Астана, 05.07.2005г. http://www.kremlin.ru/interdocs/2005/07/05/1307_type72067_90911.shtml?type=72067

⁴⁹ Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (ст.6, ч.8), г. Санкт-Петербург, 07.06.2002 (<http://infopravo.by.ru/fed2002/ch06/akt20136.shtml>)

⁵⁰ В обоих случаях власти РФ объясняли это недостатком времени для информирования соответствующих должностных лиц. Однако если в первый раз интервал между направлением уведомления Уполномоченному РФ при Европейском Суде и вылетом самолета, на котором был отправлен заявитель, составлял около 5 часов, то во второй он превышал сутки.

4. Оценка с точки зрения международного права⁵¹

Как показано выше, шансы российских мусульман, исповедующих преследуемые в России формы ислама, добиться защиты своих прав в рамках национального законодательства крайне ограничены, если не ничтожны. В связи с этим, репрессированные все чаще обращаются в Европейский Суд по правам человека с жалобами на нарушение своих прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. И хотя решений Суда по таким делам еще не вынесено, тем не менее, уместно будет коротко остановиться на том, какие же гарантии предоставляет международное право в сфере, касающейся свободы совести.

Статья 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод называется «Свобода мысли, совести и религии» и гласит:

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

Для решения вопроса о том, применима ли данная статья в каждом конкретном случае, и если да, то является ли вмешательство государства нарушением данной гарантии, используется твердо установленный перечень вопросов:

- i. Каковы рамки данной гарантии?
- ii. Имело ли место вмешательство в гарантированное право?
- iii. Преследует ли это вмешательство легитимную цель?
- iv. Является ли вмешательство предусмотренным законом?
- v. Является ли это вмешательство необходимым в демократическом обществе?

В первом вопросе позиция Суда вкратце сводится к тому, что внутренняя составляющая религиозных убеждений (*forum internum*) ограничениям не подлежит. Что же касается внешней составляющей (*forum externum*), к которой относятся религиозная символика, специфическая одежда, миссионерство, прозелитизм и т.д., то они могут быть ограничены при соблюдении определенных условий – что, собственно и отражают остальные вопросы. Среди них наибольший интерес в данном случае представляют третий и пятый вопросы, поскольку ответ на второй очевиден, да и по поводу четвертого споры вряд ли возможны – законодательство РФ постоянно корректируется таким образом, чтобы не оставалось сомнений в формальном соответствии ему проводимых репрессий⁵².

Суд признает легитимными интересы общественной безопасности, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности, а также прав и свобод других лиц. Таким образом, цели, декларируемые российскими властями при проведении рассматриваемой репрессивной кампании, на первый взгляд, оказываются соответствующими данному критерию.

Что же касается последнего вопроса, то для ответа на него необходимо оценить вмешательство государства по трем дополнительным параметрам:

- a) Отвечает ли оно насущным общественным потребностям?
- b) Соразмерно ли оно преследуемой легитимной цели?
- c) Оправдано ли оно релевантными и достаточными причинами?

⁵¹ Данный раздел составлен на основе книги Р.В.Маранова «Практика Европейского Суда по правам человека по делам о свободе совести», Москва, Славянский правовой центр, 2009 г.

⁵² Здесь в каждом конкретном случае необходима оценка соответствия национального законодательства критериям «качества закона», требуемым Конвенцией, однако эти вопросы выходят далеко за рамки настоящего обзора.

Вот здесь-то, наконец, и становится очевидным, что создание в стране целой категории политзаключенных – мусульман, осужденных исключительно за исповедание и распространение взглядов (пусть даже неприемлемых с точки зрения большинства населения), – сопровождающееся разложением правовой системы вообще и судебной в частности⁵³, никак не может отвечать насущным общественным потребностям, быть соразмерным любой, сколь угодно легитимной цели и оправданным релевантными и достаточными причинами.

IV. Выводы

Описанная выше репрессивная политика российских властей, сопровождающаяся, к тому же, интенсивной обработкой общественного мнения, уже привела к возникновению ряда негативных и потенциально опасных тенденций, которые наблюдаются сегодня в российском обществе. Наиболее очевидные из них:

- активность спецслужб в разработке и осуществлении мистификаций и прямой фабрикации уголовных дел приводит к их (спецслужб) дисквалификации, и в результате – к неспособности предотвращать реальные террористические акты. Об этом свидетельствуют и недавний подрыв «Невского экспресса», и участвовавшие теракты на Северном Кавказе;
- рост исламофобии, поскольку постоянные напоминания об угрозах – реальных и мнимых, – которые якобы сплошь и рядом исходят именно от мусульман, включают в сознании и жизнедеятельности людей механизмы самосохранения, направленные на изоляцию «чужого» им, которое воспринимается как потенциально враждебное;
- ответной реакцией на это становится стремление значительной части исповедующих ислам граждан к самоизоляции: к созданию специальных школ и дошкольных учреждений для детей из мусульманских семей, специализированных медицинских, спортивных и других учреждений. После одного из наиболее жестоких проявлений антимусульманской агрессии в Москве некоторое (к счастью, недолгое) время даже обсуждалась идея создания компактного поселения в одном из районов города, где мусульмане могли бы чувствовать себя в безопасности;
- расслоение внутри мусульманского сообщества, т.к. те, кого репрессии не затронули, часто готовы любыми средствами (в т.ч., неприемлемыми с этической точки зрения – доношением и т.д.) доказывать свою лояльность;
- рост интереса, и в первую очередь, среди мусульманской молодежи, к идеям, являющимся объектом преследований, чему очень способствует восприятие репрессированных как «мучеников за веру» – т.е., фактически, **принудительная радикализация** наиболее активной части мусульманского населения.

Интересно, что последний эффект – распространение радикальных взглядов вследствие ужесточения репрессий против их носителей – был отмечен Международной кризисной группой в недавнем брифинге «Центральная Азия: исламисты в тюрьме»⁵⁴. Это подтверждает тот очевидный факт, что неоправданное и/или непропорциональное применение силы не просто не является эффективным средством борьбы с распространением радикальных идей, но наоборот – только способствует ему.

Репрессии создают у заметной части мусульманского населения России (а оно весьма велико не только по своей численности, но и по доле в общем населении страны) вполне обоснованное самоощущение людей, относящихся к «группы риска» в смысле грубого попрания их прав. Жертвы этой кампании и их близкие сталкиваются с невозможностью защитить себя правовыми методами и небезосновательно рассматривают эти преследования как следствие своих вероубеждений. Подобная, мягко говоря, недальновидная политика «парового катка» может привести к самым негативным широкомасштабным последствиям – свидетельством тому могут служить трагические события 2005 г. в Кабардино-Балкарии.

⁵³ См. пункты 2 «b» – 2 «e» настоящего обзора

⁵⁴ <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=6435>

Представляется, что разрешить проблему можно было бы тщательно продуманным и взвешенным переходом от политики неизбирательного подавления (причем, любой ценой) к диалогу, в т.ч., и с умеренными фундаменталистами – по крайней мере, с теми из них, с кем и пока он еще возможен.

V. Постскриптум

В марте 2009 г. при Министерстве юстиции Российской Федерации был создан Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы⁵⁵. Состав его немедленно вызвал крайне негативную реакцию и светских специалистов, и духовных лиц самых разных конфессий. Как сообщил «Славянский правовой центр»⁵⁶ со ссылкой на «Forum 18»: *«Назначение членами Совета известного "антикультиста" и противоречивого исследователя ислама [имеется в виду Роман Силантьев – прим. Е.Р.], а также избрание знаменитого "антикультиста" Александра Дворкина его главой привели к тому, что многие представители религиозных организаций стали сравнивать Совет с "инквизицией" <...> Назначение "антикультистов" на должности, позволяющие расследовать деятельность религиозных организаций, может стать самым сильным ударом по религиозной свободе в стране за последнее десятилетие. Впервые со времени распада СССР на федеральном уровне такие люди стали членами государственной организации, занимающейся религиозными делами».*

Позднее (в сентябре 2009 г.) при Минюсте был создан еще один Совет – по изучению религиозных материалов на предмет выявления в них признаков экстремизма⁵⁷, – заключения которого носят рекомендательный характер. В случае решения о наличии в исследуемых материалах признаков экстремизма заключение Совета будет направляться в прокуратуру. Некоторые основания для оптимизма дает присутствие в нем такого известного ученого, как Л.Сюкияйнен, но говорить что-либо о результатах работы этого нового органа пока преждевременно.

⁵⁵ <http://www.minjust.ru/ru/news/events/index.php?id4=87>

⁵⁶ <http://www.sclj.ru/news/detail.php?ID=2433>

⁵⁷ <http://www.minjust.ru/ru/news/events/index.php?id4=126>